

К.Н. Леонтьев

Письма о восточных делах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К11

К.Н. Леонтьев
К11 Письма о восточных делах / К.Н. Леонтьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-2531-7

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

ISBN 978-5-4241-2531-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К.Н. Леонтьев, 2021

Константин Леонтьев
Письма о восточных делах

I

Наше назначение и наши выгоды

Когда мы размышляем о делах Востока и хотим дать себе ясный отчет в том, что нам может предстоять и что для России выгоднее, то необходимо прежде всего различить идеал наш или цель наших замыслов и действий от средств выполнения задачи.

Средства достижения должны, конечно, избираться самые подручные и легкие, но об этой легкости и доступности должно, однако, заботиться лишь настолько, насколько это не вредит высоте и ширине идеала!... Если высшему политическому идеалу слишком легкие средства вредят, то надо предпочесть им более трудные и даже такие, которые сопряжены с величайшими жертвами.

О выборе тех или других средств я буду говорить позднее; теперь же я хочу поделиться с вами любимыми моими мыслями и о том, что *должно быть* нашим сознательным идеалом, или о том, что, *вероятно, будет* нашим роковым назначением. (Я употребляю здесь слово «роковой» не в исключительно мрачном его значении, а в смысле более широком – в том смысле, что свершение исторических судеб зависит гораздо более от *чего-то* высшего и неуловимого, чем от человеческих, сознательных действий; сознательный идеал необходим; но он тогда только осуществим приблизительно, когда он хоть сколько-нибудь сходен с неясной еще в подробностях картиной этого рокового предначертания, когда он предугадывает ее общие черты.)

Идеал наш при разрешении Восточного вопроса должен быть самый высший, самый широкий и смелый, *самый идеальный*, так сказать, *из всех возможных идеалов*. Вот почему.

Если идеал наш будет слишком односторонен, мелок и прост, то мы, стремясь без меры настойчиво только к ближайшим, *очередным* целям и не храня в душе *иных заветов*, можем испортить себе будущее, закроем себе путь дальнейшего, правильного и спасительного развития².

Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, особый государственный мир, *не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности* (говоря проще – *такой, которая на других не похожа*).

Поэтому не изгнание *только* турок из Европы и *не эмансипацию только* славян и *даже не образование во что бы то ни стало из всех славян, и только из славян, племенной конфедерации* должны мы иметь в виду, а нечто более широкое и по мысли более независимое.

Начнем хоть с турок.

«Свержение позорного ига азиатской орды» может занимать ограниченные умы наших единоверцев и единоплеменников; нам же давно пора догадаться, что никакое насильственное иго азиатских владык не может быть так «позорно», как добровольно допускаемая народом власть собственных адвокатов, либеральных банкиров и газетчиков. Насилие не может так опозорить людей, как их собственная непостижимая глупость.

Удаление турок – только необходимый прием, это одно из неизбежных средств и больше ничего.

Можно, пожалуй, *говорить* о «варварстве» и т. п.; можно даже, если это

необходимо для возбуждения людей попроще, склонять печатно во всех падежах слово «орда», «орды», «ордою», об «орде», как делали газеты и журналы наши во время последней войны; но надо помнить при этом стих Тредьяковского:

Держись черни,
А знай штуку...

Не должно в *наше время* считать подобную идею достойной серьезного внимания русского ума.

Презрение к азиатцам, мысль об изгнании турок *за то, что они не либеральны, не индустриальны* и т. п., а живут религиозно-монархическими и воинственными идеалами, – это все *не наше*, и не старорусское, и не новославянское, а самое обыкновенное европейское.

Мысль об изгнании турок из Европы и о *замене их русскими на Босфоре*, конечно, не принадлежит Западной Европе, как чисто политическая мысль; Западная Европа считала эту мысль до последнего времени и, вероятно, отчасти считает и теперь губительною в международном отношении. Но все-таки эта антиазиатская идея, по существу своему, *эмансипационна, либеральна*, т. е. более или менее разрушительна. Это обыкновенная нынешняя либеральная, западноевропейская, *вовсе не наша* по происхождению и по культурному духу идея, лишь агитируемая нами весьма удачно и счастливо с 60-х годов. Европе она не нравится с точки зрения *равновесия политических сил*; но по источнику и по характеру *все-таки* это мысль европейская. Это одно из последних приложений идеи «равенства и свободы» лиц, общественных классов, провинций и племен. Русское во всем этом деле – только *приложение* или весьма счастливая эксплуатация, как я сказал, этой обыкновенной, современно-европейской эмансипационной мысли в пользу России и ее слабых единоверцев.

Оттого-то все попытки Запада препятствовать нам и были так неудачны с 60-х годов³.

При государе Николае Павловиче дело было поставлено прямее, яснее и *по духу самобытнее*; говорилось больше о *правах русского покровительства, о русской власти*. Это было лучше по существу; но неудобно по времени. *Рано*. Нас постигла неудача. Европа не узнавала в тогдашних наших действиях *своей идеи* эмансипационной, демократической, эгалитарной. До православно-монархического духа ей не могло быть дела; она его ненавидела: она не была тогда в противоречии сама с собою и победила. С 60-х годов русская дипломатия, русская печать и русское общество стали все громче и громче говорить в пользу христиан Востока и притом, опираясь не так, как в 50-х годах, преимущественно на право *нашей власти*, а гораздо более на *права самих христианских подданных султана*. Политика наша после Крымской войны стала *западнее* по мысли, т. е. либеральнее; по существу это хуже, *развратительнее* с гражданской точки зрения; по времени – это стало удобнее; Европа, парализованная внутренним противоречием, не могла уже вся дружно соединиться против нас; она вынуждена была уступать нам беспрепятственно на пути либеральных реформ, которые мы для христиан предлагали; Турция через это слабела; христиане становились все смелее и смелее, и мы в течение двадцати всего лет, почти неожиданно сами для себя, шаг за шагом, разрушили Турецкую империю, на которую столь многие замечательные государственные люди Запада, от Меттерниха до Наполеона III и Пальмерстона, возлагали столько надежд.

Эмансипационный процесс везде разрушителен, ибо он, по существу своему, враждебен государственной, церковной и сословной дисциплине; и если человечество еще не утратило способности *организоваться*, если оно еще не осуждено на медленное вымирание и самоуничтожение (посредством всех мощных орудий того, что зовут нынче *прогресс*), то для дальнейшего, более прочного, *менее подвижного* своего устройства оно вынуждено будет прийти к новым формам юридического неравенства, к новому и сознательному поклонению *хроническому*, так сказать, *деспотизму* новых отношений.

XIX век близится к концу своему. Без малого сто лет тому назад, в 89-м году, было объявлено, что все *люди должны быть равны*. Опыт столетий доказал *везде*, что это *неправда*, что они *не должны быть равны* или *равно поставлены* и что «благоденствия» никакого никогда не будет. А назревает *что-то новое*, по мысли отходящему веку враждебное, хотя из него же органически истекшее.

Ясно, что это новое ни либерально, ни эгалитарно быть не может.

Итак, изгнание турок...

Изгнание турок необходимо, сказал я, но, освобождая христиан, мы должны иметь в виду не столько *свободу* их, сколько их *организацию*. А для этого мы прежде всего из собственных наших умов всеми возможными средствами должны выжить как можно скорее все не только «конституционные», но даже и вообще либерально-эгалитарные идеи, привычки и вкусы. Иначе мы погубим и свою будущность, и будущность всего Востока.

Один пример из многих; положим, что пришло удобное время удалить султана с берегов Босфора и стать там самим твердою ногою (поводы *скоро* найдутся, они уже существуют в действиях Англии). Говорить тогда и писать «для Европы» можно, что угодно, но мыслить *для себя* надо правильно и ясно.

Не потому надо, например, удалить султана, что он самодержавный азиатский монарх (это хорошо), а потому, что держава его стала слаба и не может уже более противиться либеральному *европеизму*.

А мы можем, если захотим!.. Мы уже и доказали это недавно и нашей последней войной и, что еще гораздо важнее, мы доказали это в *области политической мысли* *Манифестом 29-го апреля 1881 года*.

Перед лицом *всей конституционной Европы и всей республиканской Америки* мы объявили, что не намерены больше жить чужим умом и приложим все старания, чтоб у нас самодержавие было крепко и грозно и чтоб о «конституции» и помину бы больше не было.

Свернувши круто (и, Бог даст, навсегда!) с пути эмансипации общества и лиц, мы *вступили на путь эмансипации мысли*; с пути медленного, но верного разрушения на путь организации и созидания.

В этом действии мы едва ли не в первый раз со времен Петра Великого решились быть самобытными не как сила только внешнегосударственная в среде других государственных единиц, *но и как политически культурная мысль*— смелая, независимая, ясная!

Это великий шаг!

Благодаря ему мы имеем полное право предпочитать себя султану на берегах Босфора не только из честолюбия, корысти или какого бы то ни было политического эгоизма, но и в смысле *культурного долга*.

Пора положить предел развитию мещански-либерального прогресса! Кто в

силах это сделать, тот будет прав и пред судом истории.

II

Продолжение того же

Я сказал в первом письме моем, что высшим идеалом нашим при разрешении Восточного вопроса должно быть нечто более широкое, более содержательное и *по мысли* более самобытное, чем мещански-сентиментальная охота на «азиатских варваров» и чем простодушное освобождение славян «от ненавистного ига турок и швабов»...

Даже и создание конфедерации независимых славянских государств *не должно быть высшим идеалом нашим. Уже и теперь* для внимательного ума ясно из самых положительных, реальных данных истории, современной этнографии, текущей политики, из географических отношений и даже из некоторых оттенков национальной психологии, что *бессознательное назначение России не было и не будет чисто славянским.*

Оно уже потому не могло и быть таковым, что чисто славянского, совершенно своеобразного (настолько своеобразного и полного, например, как прежняя английская конституция, как готическая архитектура, как французские моды и обычаи, как китайские мануфактурные произведения, как мусульманизм аравитян и турок) – ничего до сих пор у славян и не было. Разве – блестящая и *действительно ни на что не похожая* республика польская, ничего прочного и поучительного в наследство миру по кончине своей не оставившая.

Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской провинции обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин.

В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др. азиатцев, или даже вовсе никого, чем южных и западных славян. В нас больше лени, больше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распушенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, *несравненно больше* наклонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов и хорватов.

У них больше выдержки, терпения, гораздо больше трезвости физической и умственной; скромные семейные добродетели у них несравненно крепче, чем у русских людей; они мало расположены к каким-нибудь нигилистическим крайностям, но зато их индифферентизм в религии поразителен; их машинальное, сухое охранение *кой-чего*, к чему они привыкли или что им дорого только в политическом отношении, без всякой бури и боли «искания» очень неприятно поражает русского, когда он с ними ближе знакомится. Они все расположены более или менее к *умеренному либерализму*, который, к счастью нашему, в России так неглубок и *так легко может быть дотла раздавлен между двумя весьма не либеральными силами*: между иступленным нигилистическим порывом и твердой, бестрепетной защитой наших великих исторических начал.

Одним словом, наши западные и южные единоплеменники гораздо более нас похожи всеми своими добродетелями и пороками на европейских буржуа самого

среднего пошиба. В этом смысле, т. е. в смысле психического, бытового и умственного своеобразия, славяне гораздо менее культурны, чем мы. Ибо я сказал уже вам, что под словом *культура* я понимаю вовсе не *какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость* и т. п., а лишь цивилизацию *свою по источнику*, мировую по преемственности и влиянию. Под словом «своеобразная мировая культура» я разумею *целую собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических* (необходимо прибавить: *когда дело идет о нашем времени*; ибо нельзя же отвергать, что экономический вопрос *везде* теперь стоит на очереди и что та нация или то государство, которому посчастливится захватить в свои могучие и *охранительные руки* это передовое и ничем до поры до времени не отвратимое движение умов, станет на целые века во главе человечества и не только себя прославит неслыханно, но и предохранит множество драгоценных этому человечеству предметов и начал от насильственного разрушения).

Такую систему отвлеченных идей, и бессознательно в жизни живущих, и сознательно в жизнь проводимых, и из нее в область дальнейшей мысли извлекаемых, я зову *культурой*. Надо уговориться в терминах, чтоб понимать друг друга, и для меня в этом смысле Китай культурнее Бельгии; индусы культурнее североамериканцев; русский старовер или даже скопец *гораздо* культурнее русского народного учителя по «книжке *барона Корфа*».

В этом же именно смысле можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций *самая не славянская и в то же время самая славянская*. Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична. Она же, с другой стороны, самая славянская из всех; не потому только, что она призвана стать *политически во главе славян*, но и потому, что только у нее и существует уже, и зарождается, и может, утверждаясь, развиваться дальше многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатцам, ни Западу, ни Востоку. Это и естественно; ибо только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – *туранской* нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы *духовно независимое*; без этого азиатизма влияющей на них России все остальные славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных европейцев и больше ничего. Для такой жалкой цели не стоило бы ни им «свергать иго», ни нам предпринимать для них и за них самоотверженные крестовые походы. Не для того же русские орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высиживали бы после на свободе куриные яйца мещанского европейства à la Вирхов, à la Кобден или Жюль Фавр.

Это было бы ужасно!

Конечно, мы славян освободим; это необходимо; это неизбежно; обстоятельства, не от нас одних зависящие, *заставят нас* сделать это и, вероятно, очень скоро. Никакие коалиции нас не удержат; никакая боевая Германия со своими шульмейстерами не воспрепятствует этому. Даже побеждая славян на поле битвы, она будет побеждена политически, фаталистически уничтожена, подобно Австрии, уступившей Венецианскую область после победы своей при Кустоцце. Судьбы исторические *должны* свершиться вопреки человеческим соображениям; либеральное разрушение всего социально-политического строя Европы, со-

зданного веками прошлого величия, еще не достигло «точки насыщения». Национализм же чисто политический, т. е. определяющийся не культурно-бытовым *своеобразием* племени, не оригинальностью в нем *всего*, от религии до мод и вкусов, а только государственной *независимостью его*, есть не что иное, как одно из главных проявлений *все того же и того же*, то есть того могоучего и не всегда понятого движения, которое одни зовут обновлением и прогрессом, другие – революцией, а я предпочитаю называть точнее: *эгалитарно-либеральным разложением* романо-германской цивилизации. Разложение это заражает и будет заражать все человечество до тех пор, пока движение не дойдет до поворотной точки, или, говоря прямее, *до тех пор, пока то, что я здесь говорю и что многим кажется лишь одной оригинальностью, не станет таким же общим местом, каким теперь стало многое, полвека тому назад казавшееся тоже чуть ли не пустым чудачеством!*

Люди, освобождающие или объединяющие своих одноплеменников в XIX веке, *хотя* чего-то *национального*, но, достигая своей политической цели, они *производят лишь космополитическое*, т. е. нечто такое, что стирает все более и более национализм бытовой или культурный и смешивает всё более и более этих освобожденных или свободно объединенных одноплеменников с другими племенами и нациями в общем типе прогрессивно-европейского мещанства. Космополитический демократизм и национализм политический – это лишь два оттенка одного и того же цвета.

Чтобы понять это, стоит только вспомнить следующие общественные события истории истекающего ныне столетия.

Демократическое (эгалитарно-либеральное) движение началось с Франции. Франция первой республики и консульства *не говорила специально о национальности*; она провозглашала общедемократическое начало. Это так; но это начало до того тесно связано с политическим и племенным национализмом, что космополитическая идея очень скоро и незаметно для самих французов превратилась в патриотическую и довела посредством побед *политический патриотизм* граждан этого, *по преимуществу племенного*, чисто национального государства до неслыханного иступления и героизма.

Замечательно, что даже войска стали тогда только в первый раз кричать: *Vive la France!*⁴ Прежде кричали: *Vive le roi!*⁵

Реакция всей остальной Европы, не желавшей еще тогда расстаться с величием своей аристократической культуры, приостановила в 1816 году этот поток. Но остановила она его ненадолго.

Франция, предлагая миру *свое* космополитическое учение, стала в высшей степени национальна. Вследствие давнего сплошного единства *племенная эгалитарность* не была ей опасна; у нее не было ни внутри подвластных, чуждых племен, уравнивая которых с французами, можно было бы расшатывать градивный, неравноправный спасительный строй своего государства; ни настоящих соплеменников по языку и крови за пределами Франции, освобождая которых или присоединяя к себе (т. е. также уравнивая в правах и положении со всеми другими), она могла бы способствовать расстройству и распадению других государств и этим способствовать косвенно общему *всесмешению*.

Франции (*как и всякому другому государству*) было опасно только одно социальное, внутреннее, сословное и провинциальное уравнивание, т. е. *однообразие*

в *ее единстве*. Это уравнение и низвело ее неожиданно, шаг за шагом, падение за падением (и все во имя прогресса, свободы и гуманности!) от Жемаппа и Вальми до Меца и Седана, от демонического и легендарного корсиканца, у которого только волосы были плоски (*le Corse aux cheveux plats*), до Гриви, который весь есть не что иное, как самое чистое проявление «честной» европейской плоскости!

Другие нации и другие державы были в другом положении. Для их либерально-эгалитарного расстройству историческому року нужен был другой прием, не столь прямой и односложный, как для *единой и однородной* Франции, тысячелетие продержавшейся одними только *горизонтальными* общественными наслоениями.

Придумана была иллюзия: национальный вопрос или, вернее назвать, племенная политика.

Источником был национален, замысел тоже; результат же везде все тот же космополитический – гражданское равенство, политическая и личная свобода, смешение племен и сословий, однообразие провинций, *т. е. то же самое, что во Франции.*

Название другое, дело одно.

Действительно национального по мысли, по духу, по формам (без которых истинное творчество духа невообразимо и не бывает), *т. е. оригинального* не вышло из этого движения ничего.

Напротив того, очень многое из того, что создано было прежде и потом с горячей любовью и непоколебимо сохранялось целые века, погибло очень быстро, благодаря этому новому и *как бы лукавому* повороту революционного вихря.

Этот поворот был до того обманчив, и ослепление от этого вихря было так сильно, что многие мыслящие патриоты (и даже наши славянофилы) не узнали в так называемом национальном движении своего злейшего врага: *космополитическую революцию!*

Так случилось везде; начиная с 1821 года (*т. е. с эллинского восстания*) и до мечтаний несчастного Араби-паши о независимости арабов...

Подробно перечислять здесь все примеры, признаться, тягостно. Хочу скорее кончить это письмо. Вспомните их сами – Италию и Австрию, Францию и Германию, даже Россию и Польшу 60-х годов, победы и поражения, войны и восстания... Результат *везде и ото всего один*: либеральная демократизация и космополитическое однообразие идей, вкусов, потребностей и внешних форм...

У славян, если бы не было около них этой загадочной, полуазиатской, мистической и как-то героически-растерзанной России, вышло бы все это смешение и опошление и выдыхание хуже, чем где-либо, вследствие подражательности славян, вследствие слабости их охранительных и творческих сил.

Славяне, за неимением лучшего, готовы хвастаться (и не раз хвастились), что они по природе своей либеральнее других племен...

Да и наши русские от этого, как вам известно, до сих пор не прочь...

Прошу вас, однако, не ужасайтесь тому, что я говорю о славянах так сухо и недоброжелательно.

Я знаю, вы за Православие и Самодержавие покойны, когда я пишу, но я прошу вас и за «братьев славян» не опасаться.